

К. И. ХОДОВА

ВАРЬИРОВАНИЕ И СИНОНИМИЯ В ГРАММАТИКЕ СТАРΟΣЛАВЯНСКОГО СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО

При выявлении грамматических единиц языка, существование которых базируется на противопоставлениях и тесно связано с самой сущностью языковой системы, исследователя встречаются трудности столь значительные, что порой они приводят к отрицанию самой идеи системных отношений в грамматике¹.

Единица такой сферы языка, как грамматика, осуществляет связывание плана содержания с планом выражения; задача, следовательно, состоит в том, чтобы обнаружить в грамматической сфере систему противопоставлений и выяснить присущие ей особенности связи плана содержания с планом выражения. Такая связь бывает осложненной наличием нескольких форм с одинаковым содержанием. Поэтому наибольшие затруднения при системном представлении грамматики состоят в разрешении проблемы тождества.

В настоящей статье предпринята попытка решить этот вопрос на материале старославянского имени существительного, хорошо изученного с морфологической стороны. При исследовании связи содержания и выражения в пределах грамматических единиц имени существительного обнаруживаются некоторые общие закономерности, еще не привлекавшие к себе внимания, но важные для грамматической теории.

Итак, главный аспект проблемы тождества — это аспект вариантности единицы в пределах ее тождества. Различают вариантность в плане содержания — неизменность некоего формального выражения при варьировании значения — и вариантность в плане выражения, предполагающую неизменность значения единицы при варьировании ее форм. Мы исходим из того, что основу языка составляет системная организация означаемых, что системные отношения намечаются в плане содержания, и при построении грамматической системы следует отправляться от плана содержания. При таком подходе к языку функция (в широком смысле этого слова) понимается как предшествующая форме, поэтому означающие должны быть ориентированы на план содержания, на означаемые, а не наоборот. Поскольку единица системы создается прежде всего единством ее значения, задача исследователя состоит в том, чтобы локализовать внешние особенности ее передачи в пространстве языка, установить состав и объем способов ее материального воплощения. К этой стороне проблемы тождества относятся явления и варьирования, и синонимии, понимаемой в структурном смысле. Требуется определить сущ-

¹ Так, в статье М. И. Стеблин-Каменского «О предикативности» говорится: «Системы, аналогичной системе фонем, в области грамматических значений явно не получилось. Структура языкового содержания оказывается во всех случаях настолько более сложной, чем структура языкового выражения, что параллелизм между этими структурами удастся доказать только ценой насилия над фактами» (см. сборник статей М. И. Стеблин-Каменского «Спорное в языкознании», Л., 1974, стр. 53—54).

ность этих двух видов явлений и разграничить их, основываясь на устойчивых критериях.

О признаке неизменности грамматического значения, которое объединяет разные манифестации единицы, следует сделать дополнительные пояснения. Г. Глисон пишет, что значение — это «переменная величина, не поддающаяся точному контролю»². Действительно, сближения по значению могут быть в разной степени приблизительными и даже произвольными, и их следует для наших целей ввести в некоторые рамки. Поскольку речь идет о единицах значения, выявляемых в противопоставлениях, важно соблюсти условие применения приема коммутации лишь к тем элементам, которые занимают одинаковые синтаксические (синтагматические) позиции, памятуя известное положение о подчинении анализа парадигматического плана анализу синтагматического плана³. (Данное ограничение действительно и для вариантов, и для синонимов.) Таким образом, о единстве значения форм оказывается возможным говорить лишь при условии единства синтаксической позиции (синтаксического окружения), что существенно сдерживает возможность семантических сближений, когда они делаются в целях идентификации единиц. Например, исходя из вышеизложенного, предлог *оу* с род. падежом и глагольная приставка *при-*, имеющие, безусловно, много общего в значениях, не могут все же считаться манифестациями одной и той же единицы и поэтому не являются ни вариантами, ни синонимами.

Приходится, однако, констатировать, что до сих пор нет единства мнений по ряду фундаментальных вопросов, связанных с разграничением синтагматических и парадигматических отношений в сфере имени существительного. Например, беспредложный падеж рассматривается в одних работах как показатель парадигматических различий, в других же — как указание на синтагматическую позицию (функцию) имени существительного. В этом вопросе мы разделяем взгляды сторонников синтагматической концепции функционирования беспредложных падежей. Действительно, будучи преимущественно зависимыми (управляемыми) и тесно связанными с глаголом, падежи способны образовывать при некоторых глаголах целые последовательные ряды или цепочки сосуществующих форм, в которых каждая форма в то же время знаменует собой определенную синтагматическую позицию⁴. Правда, в области управляемых падежных форм не исключены и парадигматические противопоставления, при которых одна из нескольких форм, возможных в одной и той же позиции, становится предметом сознательного выбора⁵, но в целом парадигматические отношения менее характерны для беспредложных падежей, чем отношения синтагматические. Безусловно синтаксический характер носит функционирование независимого падежа — именительного субъекта, а также и таких падежей, которые являются формами единственного объекта при определенных глаголах. Ниже нам придется иметь дело с идентификацией грамматических единиц, выражаемых формами существительных, и беспредложный падеж при этом будет трактоваться как показатель синтаксической (синтагматической) позиции.

В настоящей статье развивается положение о том, что варианты единиц грамматического содержания (грамматических единиц) опреде-

² Г. Г л и с о н, Введение в дескриптивную лингвистику, М., 1959, стр. 124.

³ Указания на литературу см.: К. И. Х о д о в а, Структура отношений, выражаемых формами склонения имени существительного в старославянском языке, «Славянское языкознание. VII международный съезд славистов. Доклады советской делегации», М., 1973.

⁴ Более подробно об этом см. там же, стр. 393 и сл.

⁵ Там же, стр. 401—402.

ленного класса слов есть разновидности внешнего выражения этих единиц, создаваемые, во-первых, различиями лексико-грамматических разрядов данного класса слов и, во-вторых, различиями других грамматических оппозиций того же самого класса слов.

Рассмотрим последовательно эти два фактора, создающих различия сферы выражения единиц.

I. Начнем с лексико-грамматических разрядов и их участия в создании вариантов плана выражения.

К числу лексико-грамматических разрядов при расширенной трактовке этого понятия можно было бы отнести все лексические группировки слов одного и того же грамматического класса, так или иначе различаемые при помощи грамматических средств, которые как бы ставят видимые перегородки между группами. При таком подходе в число лексико-грамматических разрядов имени существительного попали бы даже словообразовательные ряды, выделяемые, например, по признаку единства префикса или суффикса. Однако далеко не все форманты имени существительного оказывают влияние на состав и характер формальных вариантов его единиц. Так, имена существительные, объединяемые единством какой-либо приставки, пронесут с собой эту приставку по всем падежам и числам и, следовательно, ни характер приставки, ни даже самое ее присутствие или отсутствие никак не отразятся на различии вариантов грамматических единиц имени существительного. Поэтому для решения вопроса о содержании и границах варьирования следует привлекать лишь такие лексико-грамматические разряды, которые обеспечивают внешнее разнообразие единиц в условиях единства синтаксической позиции. К таким лексико-грамматическим разрядам в старославянском языке принадлежат группы существительных, объединенных тождеством их собственных окончаний (вместе с исходом основы), родовые классы существительных, а также группы существительных, отделяемые одна от другой по признаку формально выраженной неличности-личности⁶.

Основополагающая роль синтагматического тождества при выделении единиц предписывает выбрать сначала определенные синтаксические функции, в пределах которых различаются единицы, представленные их вариантами. Одной из таких синтаксических функций является функция субъекта. В функции субъекта двусоставного предложения, которая формально обозначается им. падежом, действует противопоставление по числу; здесь, следовательно, присутствует грамматическая категория числа и различаются грамматические единицы числа, соответствующие противочленам этого противопоставления. Мы не будем здесь входить в детали содержательной стороны этой оппозиции, а также поднимать вопрос о том, какой из противочленов является отмеченным, а какие неотмеченными. Задача здесь другая: требуется исследовать особенности внешнего выражения каждой единицы.

Как заметил Г. Глисон, в английском языке «некоторые морфемы выступают во многих разновидностях, в то время как другие имеют всего лишь одну алломорфу во всех окружениях». Морфема мн. числа принадлежит к числу тех, которые в английском выражаются большим числом

⁶ В некоторых лингвистических работах и до сих пор допускается терминологическая неточность, состоящая в том, что родовые классы и деления по одушевленности и неодушевленности называются категориями, в то время как это — разряды лексики, отделяемые один от другого при помощи формальных средств. На принципиальное различие между лексико-грамматическими разрядами и грамматическими категориями недавно указал А. В. Бондарко. См.: А. В. Бондарко, Категории и разряды славянской функциональной морфологии (морфологические категории и лексико-грамматические разряды), «Славянское языкознание. VII международный съезд славистов. Доклады советской делегации».

весьма сильно различающихся алломорфов⁷. В славянских языках аналогичная ситуация наблюдается не только во мн. числе, но также в дв. и в ед. числах.

А. В им. падеже формальное выражение единиц числа представлено в старославянском языке двумя разнородными сериями вариантов, одна из которых, наиболее многочисленная по количеству содержащихся в ней лексико-грамматических разрядов, перекрыта другой, включающей меньшее число разрядов. Первая серия создается различиями, обусловленными «типами склонения»⁸, вторая же — различиями в грамматическом роде.

1. Существенным фактом истории славянского склонения является утрата осознания древнейшей основы. «В славянском склонении уже нет ни основы, ни форматива, а есть только „окончания“, слагающиеся из элемента, взятого у основы, и остатков старого элемента форматива, часто полностью измененных вследствие особых изменений конца слова»⁹. При этом совпадение некоторых падежных окончаний в основах, первоначально принадлежавших к разным классам, вызвало смешение типов склонения. Излагая вопрос о смешении существительных с основами на -о и на -й, Н. Ван-Вейк заметил, что для некоторых из этих имен «даже невозможно установить исконное окончание»¹⁰. Поэтому окончания существительных уже не мотивированы в историческое время принадлежностью этих слов к древним классам; как полагает Н. Ван-Вейк, «можно... употреблять названия типов склонения, принятых индоевропейской грамматикой, но при этом надо помнить, что такие названия уже не отражают состояния славянского склонения»¹¹.

Смысловая основа объединения существительных в группы с одинаковым типом склонения в старославянском уже не просматривается¹². Лишь некоторые существительные, относящиеся к исчезающим типам склонения, можно представить в виде закрытых списков слов с более или менее однородными значениями. Ни один тип склонения не отличается в своей формальной парадигме (включая ед., мн. и дв. число) всех падежных форм от остальных типов: в каждой парадигме представлены формы, общие с формами каких-либо других типов склонения. Различиям ед. числа не соответствуют регулярно различия мн. и дв. чисел и наоборот.

В именительном падеже для каждой единицы числа отмечается собственная группировка окончаний: например, в ед. числе

⁷ Г. Г л и с о н, указ. соч., стр. 138.

⁸ Мысль о типах склонения имен существительных как источнике варьирования его единиц уже встречалась в научной литературе. Так, Н. Д. Арутюнова, иллюстрируя разницу между понятиями системы и структуры, замечает: «Для структуры латинского языка существенно наличие в нем пяти склонений имен и четырех спряжений глаголов. Однако система латинской грамматики нисколько не изменилась бы, если бы эти части речи не распадались на морфологические группы, а образовывали стандартные парадигмы» (Н. Д. А р у т ю н о в а, О значимых единицах языка, «Исследования по общей теории грамматики», М., 1968, стр. 104). Ср. также замечание С. Карцевского: «... одна и та же значимость внутри различных рядов может быть представлена разными знаками; ср. имя существительное множественного числа — *сто́лы, паруса, крестья́не* и т. д.» (С. К а р ц е в с к и й, Об асимметричном дуализме лингвистического знака, в кн.: В. А. З в е г и н ц е в, История языкознания XIX — XX веков в очерках и извлечениях, ч. II, 3-е изд., М., 1965, стр. 87).

⁹ А. М е й е, Общеславянский язык, М., 1951, стр. 308.

¹⁰ Н. В а н - В е й к, История старославянского языка, М., 1957, стр. 241.

¹¹ Там же, стр. 236.

¹² В частности, в этом плане интересен факт существования в древнеславянском существительных, тождественных по лексическому значению, но различающихся по типам основ (например, *блзѣтъ* — *блзѣна* — *блзѣнь*). См. о них в работе: Л. А. Г л и н к и н а, О вариантных основах существительных (по «Материалам словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского), сб. «Вопросы истории и диалектологии русского языка», II, Челябинск, 1967.

существительное *пасаѣ* можно объединить по характеру окончания с существительным *сынаѣ*, но во мн. числе их окончания различаются; также и существительные *села* и *тѣла* объединяются по внешнему сходству их форм в ед. числе, но во мн. числе различаются. Наоборот, есть случаи, когда мн. число дает единую форму для различающихся в ед. числе существительных: так, внешне различные в своих исходных формах *пасаѣ* и *кости* имеют в им. падеже мн. числа один и тот же тип окончания. В дв. числе в им. падеже наблюдается совпадение форм существительных, различающихся в ед. и мн. числе (например, *села*, *жена*). Обрисованное положение дел диктует особый способ описания вариантов. Представляется целесообразным установить типы существительных, представители которых отличаются по формальному признаку от прочих хотя бы в одном числе и падеже, обозначить условно каждый тип каким-либо одним входящим в него существительным (имея при этом в виду весь состав данного ряда), а затем установить для каждого числа в том или ином падеже группировки существительных-типов, объединяемые тождеством окончаний.

Сгруппируем теперь некоторое количество существительных-типов, привлекаемых здесь в иллюстративных целях, по признаку внешнего тождества их грамматических формантов в им. падеже. При объединении в группы принимается во внимание конечный гласный звук, мягкость или немаякость предшествующего ему согласного, а для существительных с древними основами на *-ѣ*, *-ѣ* и на согласные — суффикс основы в том виде, который имелся у этого суффикса в старославянском. Привлечение этого последнего показателя необходимо потому, что существуют варианты и с суффиксом, и без суффикса (например, *сыни* наряду с *сынске*, *камы* наряду с *камена*). В единственном числе получаются такие главные группы: */пасаѣ, ксинѣ, сынаѣ/ножа, стаѣ/краи/села, тѣла/поле/жена, слоуга/земля/змиа/рабыни/лани/пѣти, дана, кости, камен/камь, цраки/има, агна/мати/*.

Во множественном числе группировки меняются за счет перехода тех же существительных-типов в другие соединения: */пасаи, ксини, кости, пѣти, дани, сыни¹³/ножи, стаи/краи/села/поля/жены, слоуги/земля/змиа, лани/рабыни/сынске/сынски/пѣти, дани, камене/матери/цраки/тѣла/имена/агната/дане/*.

В двойственном числе представлены новые группировки: */пада, кина, сына/ножа, стаѣ/краи/селѣ, женѣ, слоужѣ/поли, земли/зми, лани/рабыни/сыны/пѣти, кости, дани/*.

Известны два основных вида варьирования: связанное и свободное. При связанном варианты каждой единицы находятся в отношениях дополнительной дистрибуции, т. е. каждый из алловариантов встречается в таких сочетаниях, в которых не встречается ни один из остальных алловариантов (иначе говоря, варианты этого вида взаимно исключают, но в то же время и взаимно дополняют друг друга при выражении единицы грамматического содержания). Свободное варьирование означающих не зависит от сочетаемости, т. е. осуществляется в условиях совпадающей дистрибуции¹⁴. Свободное варьирование может иметь место в условиях ограниченной совпадающей дистрибуции (частично свободная вариантность)¹⁵.

¹³ Форма *сыни* отмечена в Зографском кодексе, Ио XII, 36, и в Синайской псалтыри, 135, 18.

¹⁴ О делении вариантов на «связанные» («обусловленные») и «свободные» в связи с разными условиями дистрибуции см.: Л. Е л ь м с л е в, Прологомены к теории языка, сб. «Новое в лингвистике», I, М., 1960, стр. 338—339.

¹⁵ См.: М. Д. С т е п а н о в а Вопросы лексико-грамматического тождества, ВЯ, 1967, 2, стр. 91.

Варьирование окончаний в наших примерах отличается своеобразием: слова, представляющие один и тот же тип, входят в разные объединения в ед., мн. и дв. числе. И все же это, бесспорно, алловарианты, так как в пределах одной и той же единицы каждый из них исключает и в то же время дополняет другой.

В то же время заметны случаи свободного варьирования означающих относительно означаемых — грамматических единиц числа. «Хотя язык располагает обычно некоторым количеством „свободных“ вариантов, — пишет Н. Н. Семенюк, — употребление определенного варианта часто имеет известные ограничения»¹⁶. И действительно, свободное варьирование в большинстве случаев осуществляется в четко определяемых условиях (частично свободная вариантность или варьирование в рамках ограниченной дистрибуции). В ед. числе возможны и древняя форма *камы*, и более поздняя *камена*; во мн. числе существительное *сына* представлено свободными вариантами *сынокѣ*, *сыноски*, *сыни*, а в дв. числе — вариантами *сына* и *сынаи*; существительное *дана* во мн. числе встречается в формах *дани*, *данине*, *дание*¹⁷. Перед нами свободное варьирование в лексически ограниченных рамках: диапазон варьирования может быть установлен по отношению к некоторой совокупности слов (лексем) или к отдельному слову. Колебания в выборе формы для одного и того же слова (или одной и той же группы слов) в конце концов приводят к сокращению общего числа алловариантов; как известно, существование колебаний такого рода было важным моментом в преобразовании славянского именного склонения.

Итак, имеются основания для того, чтобы констатировать в пределах грамматических единиц числа комбинированный характер варьирования форм существительных: «связанное» варьирование переплетается здесь со «свободным». Переплетение двух типов варьирования выражается в нарушении четкой обусловленности вариантов лексическими элементами: с одной стороны, один и тот же тип окончания может охватывать несколько существительных с разными лексемами (эти существительные зачастую принадлежат к разным историческим типам склонения), с другой же стороны, существительное с одним и тем же лексическим элементом может иметь разные типы окончаний. Н. Д. Арутюнова заметила, что в языке противостоят две силы. «Одна из них направлена на разобщение сторон знака... Под действием этой силы возникает варьирование знака, а следовательно избыточность языка как знаковой системы, присутствие в нем различий плана выражения, несоотносимых с различиями плана содержания... Другая сила направлена на объединение сторон знака, на предотвращение их разрыва. Она проявляется в действии аналогии..., уменьшающей... избыточность языка (алломорфию)»¹⁸. Эта закономерность подтверждается и нашим материалом. Можно лишь добавить, что разобщение и объединение сторон знака следует понимать как основные направления развития, как результаты длительного исторического процесса¹⁹.

Передают ли различия окончаний самих имен существительных в пределах одной и той же единицы какую-либо разницу в грамматическом

¹⁶ Н. Н. Семенюк, Некоторые вопросы изучения вариантности, ВЯ, 1965, 1, стр. 51.

¹⁷ В некоторых случаях приходится говорить о формах отдельных существительных, а не целых лексических рядов, так как смешение окончаний начинается с индивидуальных случаев, с отдельных слов.

¹⁸ Н. Д. Арутюнова, указ. соч., стр. 94—95.

¹⁹ См. об этом, например, в работах: Г. Глисон, указ. соч., стр. 380; А. Мартин, Структурные вариации в языке, «Новое в лингвистике», IV, М., 1965, стр. 450—464; Н. Н. Семенюк, указ. соч., стр. 48—55.

содержании или они семантически пусты? На первый взгляд эти различия кажутся не подкрепленными смыслом, тем более, что одно и то же существительное в разных числах и падежах способно вступать в разные соединения с другими именами, что как будто бы исключает наличие постоянных мотивов объединения. И все же семантика проступает, хотя и очень слабо, на одном из участков этого уровня: названия лиц в им. падеже мн. числа спорадически принимают окончание -ске (см., например, пспске Син. евх. 49, 11; дсүхске Супр. 210, 1) (а в дат. падеже ед. числа — окончания ски-, -эки, например, иски Лука VI, 11; мжжеки Лука I, 27 Мар., Зогр.).

2. Варьирование следующего уровня в им. падеже достигается за счет тех лексико-грамматических разрядов имени существительного, которые называются родовыми классами. Мотивы разбиения на родовые классы ясны в отношении одушевленных существительных, все же остальные «противопоставляются друг другу по грамматическому роду только в силу вековой традиции»²⁰. Формальные различия родовых классов существительных находятся за пределами слов этого класса — они выражаются согласованными с ними формами слов, посредством которых все имена существительные делятся на три больших разряда. Как известно, родовые показатели согласованных форм частично совпадают с окончаниями существительных, частично же не совпадают. Существительные с одним и тем же типом окончания могут относиться к разным родовым классам (нжтл, ксгтл). Материально тождественные существительные (например, лсуга м.р. и лсуга ж.р.) могут принадлежать к разным родовым классам. Деления существительных по грамматическому роду местами разрывают группы, объединяемые тождеством окончаний, и создаются новые деления существительных на группы в пределах единиц числа. Это говорит об известной независимости двух серий вариантов в пределах каждой единицы: серии, определяемой тождеством окончаний существительных-типов и серии, определяемой грамматическим родом.

Существенно, однако, не только то, что при разделении на родовые классы расщепляется разделение по типам окончаний существительных, но и то, что в пределах каждой единицы теперь наблюдается группа новых вариантов, вариантов окончаний согласуемых форм. Так, у имен прилагательных кратких в ед. числе -ъ или -'ъ для муж. рода, -а или -'а для жен. рода, -о или -'е для ср. рода; во мн. числе -и или -'и для муж. рода, -ы или -'а для жен. рода, -а или -'а для ср. рода; в дв. числе -а или -'а для муж. рода, -т или -'и для жен. рода, -т или -'и для ср. рода. Действительно, эти форманты, входящие в состав прилагательных, на самом деле состоят на службе существительных, обеспечивая их разбиение на родовые классы, и варьирование этих формантов имеет непосредственное отношение к материальной репрезентации единиц существительного.

Показатели родовых классов существительных заключены также в окончаниях других частей речи, выступающих в качестве согласуемых определений: неличных местоимений, согласуемых в роде слов, обозначающих числа, склоняемых причастий настоящего времени, действительных и страдательных.

Род существительного-подлежащего повторяется в формантах родоизменяемых частей сказуемого. В составном именном сказуемом именная часть, выражаемая (со связкой или без нее) краткой формой прилагательного, причастием действительного или страдательного залога, сохранившим адъективное свойство изменения по родам, ориентируется на грам-

²⁰ А. Мейе, Сравнительный метод в историческом языкознании, М., 1954, стр. 79.

матический род существительного-подлежащего и одновременно определяет его род. Ориентация на род подлежащего существует и у форм несклоняемого действительного причастия прошедшего времени на -л-, входящего в состав сложных глагольных времен (перфекта, плюсквам-перфекта, будущего второго), а также у форм условного наклонения.

Синтагматические границы единиц числа, таким образом, раздвигаются: в них включаются форманты согласованных с существительными форм, представленные присущими для них родовыми вариантами.

Описание разбиения существительных по родам на основе особенностей согласования было бы слишком громоздким, если бы мы включили в него все согласуемые с существительным части речи со всем разнообразием их форм. Поэтому в целях простоты и удобства описания разбиение существительных-типов по родам дается ниже только в сопровождении согласуемых с существительными кратких прилагательных, которые здесь как бы представляют формы всех согласуемых с существительными частей речи.

Разбиение существительных-типов на группы выглядит теперь следующим образом:

Единственное число. Мужской род: при окончаниях прилагательных -ъ или -ь (добръ, сийъ) выделяются имена существительные-типы: /плада, коньъ, сынъ /ножь, отаца /краи /пжтъ, камена, дана /камы /слоуга м.р./. Женский род: при окончаниях прилагательных -а и -'а (добра, сийа) выделяются имена существительные-типы: /жена, слоуга ж. р. /земля /змиа /рабыи /ладии /когъ /мати /цраки /. Средний род: при окончаниях прилагательных -о или -'е (добро, сийе) выделяются имена существительные-типы: /село, т'лао /поле /има, агна /.

Множественное число. Мужской род: при окончаниях прилагательных -и или -'и (добри, сийи) выделяются имена существительные-типы: /плади, конии, пжти, дани, сыни /ножи, отаци /краи /сыноке /пжтне, дание, камене /сыноки /дане /слоугы м.р./. Женский род: при окончаниях прилагательных -ы или -'а (добры, сийа) выделяются имена существительные-типы: /жены, слоугы ж. р. /земля /змиа, ладия /рабыи /кости /матери /цракъи /. Средний род: при окончаниях прилагательных -а, -'а (добра, сийа) выделяются типы имен существительных: /село /т'лаело /имена /агната /пола /.

Двойственное число. Мужской род: при окончаниях прилагательных -а или -'а (добра, сийа) выделяются имена существительные-типы: /плада, коина /ножа, отаца /края /сыны /пжти, дани /, слоугъ м.р./. Женский род: при окончаниях прилагательных -ѣ или -'и, (добрѣ сийи) выделяются имена существительные-типы: /женѣ, слоугѣ ж. р. /земли /змии, ладии /рабыи /кости /. Средний род: при окончаниях прилагательных -ѣ или -'и (добрѣ, сийи) выделяются имена существительные-типы: /селѣ /поли /т'лаесе /именѣ /агнатѣ /т'лаеси /.

Алловарианты родовых классов, выраженные окончаниями прилагательных, в целом (об отклонениях будет сказано ниже) обусловлены типами окончаний существительных. Таким образом оказывается, что в пределах единиц числа формальные варианты уровня грамматического рода опираются на варианты более низкого уровня.

На уровне грамматического рода обнаруживается также и свободное варьирование. Как раз этот факт не позволяет при определении родовых классов довольствоваться только данными окончаний существительных, но предписывает обращаться с этой целью к формальным различиям согласованных определений. Мы уже упоминали о том, что к разным родам могут относиться существительные формально тождественные, но имеющие разные лексические морфемы (пжтъ, когъ), а также существитель-

ные формально тождественные и имеющие одинаковую лексическую морфему (слоуга м. р. и слоуга ж. р.). Явления этого рода кажутся помехами в регулярном и четком объединении существительных в родовые классы на основании одних только типов их окончаний. Ср. сходное положение на низшем уровне варьирования, где объединение существительных в группы с одинаковым типом окончания в целом зависит от характера лексического элемента, но некоторые существительные с одинаковыми лексическими элементами могут иметь разные типы окончаний.

Рассмотрение внешнего выражения единиц ед., мн. и дв. числа в им. падеже позволяет сделать вывод о том, что два вида лексико-грамматических разрядов имени существительного образуют в этой функции две входящие одна в другую серии вариантов грамматических единиц числа; обе серии организованы по единому принципу, допускающему два основных вида варьирования: связанное и свободное (частично свободное). Варианты единиц числа, конечно, не ограничены рамками одного им. падежа, но характерны, в других внешних проявлениях, и для прочих падежей.

Б. В винительном падеже как показателе особой синтаксической функции отмечается еще одна серия вариантов. Правда, варианты прослеживаются здесь не во всех трех единицах числа, но в пределах единицы ед. числа у существительных муж. рода, имеющих чаще всего род. падеж на *-a*, *-'a*. Существование этой серии вариантов обусловлено лексико-грамматическими разрядами «неличных» и «личных» существительных, которые внешне различаются в вин. падеже и собственными окончаниями, и окончаниями согласованных с ними определений. Именно, одни из них, «личные», принимают в вин. падеже окончания *-a*, *-'a* (внешне совпадающие в преобладающем количестве случаев с окончаниями их род. падежа), другие же, «неличные», сохраняют окончания *-ъ*, *-'ъ* (совпадающие с их окончаниями в им. падеже). Согласованные определения «личных» существительных принимают окончания, совпадающие с их окончаниями в род. падеже, а «неличных» — с их окончаниями в им. падеже. Внутри серий, обусловленных различиями «личных» и «неличных» существительных, сохраняется варьирование формантов имен существительных, обусловленное различиями эволюционировавших «типов склонения». К числу «личных» относятся прежде всего имена собственные, а затем некоторые (не все!) нарицательные, обозначающие лиц. При распределении существительных муж. рода на «личные» и «неличные» наблюдается множество отклонений от семантического принципа, множество колебаний, заключающихся в том, что существительные, обозначающие лиц, могут быть оформлены как неличные, а существительные «неличные» — как личные. Одно и то же существительное может быть оформлено и как «личное», и как «неличное». Поэтому точнее было бы констатировать наметившееся размежевание двух рассматриваемых лексико-грамматических разрядов, обуславливающих формальное варьирование единицы ед. числа в вин. падеже²¹. В плане изучения особенностей варьирования весьма важно то, что обязательная обусловленность формальных показателей типом лексической семантики существительных наблюдается не всегда, а это значит, что связанное варьирование и здесь переплетается со свободным, подобно тому, как это наблюдалось при организации групп

²¹ Более подробно (с библиографией вопроса) см. об этом в работах: Cz. Ba g t u l a, *Związki czasownika z dopełnieniem w najstarszych zabytkach języka staro-cerkiewno-słowiańskiego*, Wrocław — Warszawa — Kraków, 1964, стр. 72—73; К. И. Х о д о в а, *Лексико-грамматические разряды и грамматические единицы существительного в старославянском языке*, «Советское славяноведение», 1974, 5, стр. 83—86.

существительных, объединяемых общностью их окончаний, а также и при организации родовых классов.

В границах того небольшого числа существительных, которые мы неизменно привлекаем в настоящей работе в иллюстративных целях, варьирование имеет в вин. падеже следующий вид.

Единственное число. Мужской род. При окончаниях согласованных прилагательных *а*, *-’а* (добр*а*, син*а*) (разряд личных существительных) формы имен существительных: /коши*а*, сына/стац*а*/. При окончаниях прилагательных *-ъ*, или *-’ь* (добр*ъ*, син*ъ*) (разряд неличных существительных) формы имен существительных: /плод*ъ*, сын*ъ* /нож*а* /краи/пж*ъ*, дан*ъ* /камен*ъ*/. Как можно видеть, существительное сын*ъ* в вин. падеже оформляется и по «личному», и по «неличному» типу (интересно, что в первом случае встречается форма сын*а* на месте ожидающейся сын*оу*).

*

Различия типов окончаний славянского существительного, а также различия по грамматическому роду и неличности-личности рассматривались здесь как варианты единиц плана содержания. Известные факты морфологии (которые здесь иллюстрируются только наиболее типичным, достаточным для выявления основных закономерностей материалом) интерпретируются с точки зрения учения о грамматических единицах языка. Лексико-грамматические разряды существительных — группировки по типам окончаний, грамматическому роду, неличности-личности — обуславливают количественную и качественную стороны варьирования грамматических единиц. Варьирование достигается не только за счет формантов самих существительных, но и за счет формантов согласуемых с ними форм других частей речи.

Предложенное истолкование роли лексико-грамматических разрядов в системе языка делает понятие единицы грамматической системы более осязаемым, осяществленным. Определенные факты морфологии, которые на первый взгляд кажутся разрозненными, становятся связанными между собой и известным образом причастными к системной организации языка; они полностью охватываются рамками противочленов грамматических оппозиций, занимают свое место в структуре языка, вписываются в нее, так что в морфологической сфере имени не остается участков, свободных от притяжения системы. Представляется в равной степени важным и описать морфологические особенности языка, и найти между ними внутреннюю связь.

Деление существительных на разряды не является полностью свободным от семантической стороны, от различий в семантическом содержании самих разрядов; эти последние различия известным образом перекрещиваются с семантическими различиями единиц системы²². Правда, применительно к лексико-грамматическим разрядам «можно говорить лишь о наличии или отсутствии различий между ними (а не об их противопоставленности) и об общем типе этих различий»²³. И все же варианты не являются в подлинном смысле слова «формальными», лишенными собственного содержания.

Нельзя не обратить внимания на служебную разноплановость одного и того же форманта. Окончание существительного указывает, с одной стороны, на особый, проявляющийся через форму лексико-грамматического разряда, способ манифестации грамматической единицы (например,

²² См.: К. И. Ходова, Лексико-грамматические разряды..., стр. 87—88.

²³ Н. Д. Арутюнова, указ. соч., стр. 103.

ед. числа), с другой же стороны — на синтаксическую функцию (например, прямого объекта), в рамках которой осуществляется эта манифестация²⁴.

II. Имена существительные способны вступать не только в противопоставления по числу, но и в другие противопоставления, например, в локальные, темпоральные, причинно-следственные, выражаемые внешне преимущественно формами падежей с предлогами. Как же соотносятся между собой разнородные, взаимно пересекающиеся оппозиции одного и того же класса слов? Кажется, можно считать, что материальная репрезентация одной из таких оппозиций может служить источником вариантов другой и это соотношение взаимно. Действительно, в старославянском оппозиция, имеющая пространственное содержание и выражаемая предложно-падежными формами *въ + лок.*: *на + лок.*, которые передают различие полного ~ неполного включения в замкнутое пространство²⁵, допускает формы и ед., и мн., и, вероятно, дв. числа, т. е. пересекается с оппозицией грамматического числа. Если отправляться от данной локальной оппозиции, то можно увидеть, что формы различного грамматического числа служат свободными вариантами каждой из единиц оппозиции локального содержания:

- а) *къ грѣѣтѣ* Ио. XI, 17
гънѣшгѣ къ грѣѣтѣхъ Син. пс. 115 b27
- б) *на грѣѣтѣ оуѣнжѣти* Супр. 536,5
[*на грѣѣтѣхъ*]

Здесь а) и б) — представленные вариантами грамматического числа единицы локального содержания, различающие полное ~ неполное включение предметов в замкнутое пространство (второй вариант второй единицы является искусственной реконструкцией).

Если же исходить от оппозиции грамматического числа, то формы выражения локальной оппозиции, привлеченной здесь в качестве примера, предстают в виде свободных вариантов единиц числа:

- а) *къ грѣѣтѣ* Ио. XI, 17
на грѣѣтѣ оуѣнжѣти Супр. 536, 5
- б) *гънѣшгѣ къ грѣѣтѣхъ* Син. пс. 115 b27
[*на грѣѣтѣхъ*]

Здесь а) и б) — представленные вариантами локального содержания единицы ед. и мн. числа. Варианты одной из оппозиций, представленные противочленами другой, сохраняют смысловое различие этих последних; иначе говоря, при пересечении оппозиций их содержание не разрушается и различия в содержании не сглаживаются; правда, одно содержательное различие, принимаемое в каждом отдельном случае за главное, выступает как будто бы на первый план, другое же, пересекающееся с первым, в данной ситуации воспринимается как менее существенное.

Если бы для иллюстрации использовалось не одно существительное *грѣѣтѣ*, а несколько разных (например, *чѣлѣс*, *члѣскѣтѣхъ*, *члѣкина* и т. д.), то наряду с варьированием, вызванным пересечением оппозиций, здесь присутствовали бы также варианты другой плоскости и более низкого уровня, обусловленные различиями лексико-грамматических разрядов.

²⁴ А. Мартин обращает внимание на то, что в лат. *homini* «в амальгамированном виде» выражены, с одной стороны, функция датива, а с другой — понятие ед. числа. «В одном случае мы находим центробежную роль прикрепления к чему-то внешнему. В другом — центростремительную роль квалификации центрального элемента». Это различие квалифицируется автором как один из фундаментальных фактов всего синтаксиса. См.: A. Martinet, *Quelques traits généraux de la syntaxe*, «Free University Quarterly», VII, 2, August 1959, Amsterdam, стр. 9—10.

²⁵ К. И. Ходова, Падежи с предлогами в старославянском языке (опыт семантической системы), М., 1971, стр. 60—71.

Это значит, что пересечение оппозиций создает еще один уровень варьирования, надстраивающийся над уровнем вариантов, обусловленных различиями лексико-грамматических разрядов. На каждом из этих уровней варианты не полностью свободны — или же полностью несвободны — от собственных содержательных различий.

III. Грамматические синонимы представляют собой группы внешне различных, но функционально (со стороны содержания) тождественных форм. Это значит, что каждая форма синонимичной группы имеет одинаковый с каждой другой формой этой же группы набор семантических дифференциальных признаков, т. е. что эти формы функционируют наподобие вариантов, передающих одну и ту же единицу смысла. Отличие синонимов от подлинных вариантов, рассмотренных в предыдущих параграфах, заключается в том, что эти скопления семантически тождественных форм образуются на базе целостных единиц в результате утраты ими в некоторых специальных условиях семантических противопоставлений определенного типа. Поэтому грамматическая синонимия в предлагаемом здесь понимании является чаще всего следствием утраты противопоставлений одного уровня абстракции и появления противопоставлений другого уровня абстракции.

Например, при использовании форм, передающих локальные отношения, для выражения темпоральных отношений утрачиваются некоторые коррелятивные признаки пространственного содержания, так как темпоральные представления отличаются от локальных принципиально иным, более абстрактным содержанием. В связи с этим формы, передававшие в локальном плане самостоятельные и противопоставленные друг другу единицы, перейдя в темпоральный план, попадают в рамки одной и той же единицы, становятся синонимами. Так формы *кз + лок.* и *на + лок.*, противопоставленные, как это только что было показано, в локальном плане, могут служить способами выражения одной и той же единицы, когда они употребляются для обозначения темпоральных отношений. Например, формы *кз + лок.* и *на + лок.* от существительного *житие*, если оно употреблено в темпоральном значении, равнозначны в следующих примерах: *кз неправданѣмъ житиѣ не вистѣ кѣрани Лука XVI, 11*, *Зогр. и мѣносаши на сѣмѣ житиѣ пакостѣ гѣоргаз еси Клоц. 9, 9*. В данном случае под влиянием определенных условий недифференцированно используются две формы, внешне соответствующие противопоставленным единицам²⁶; эти формы как полностью тождественные по смыслу, входящие в состав одной и той же новой единицы, которая во всей своей совокупности противопоставляется некой другой и цементируется этим противопоставлением²⁷, можно считать грамматическими синонимами.

В нашем примере синонимы организованы, в пределах новой единицы смысла, наподобие свободных (частично свободных) вариантов: обе формы образуются от одного и того же существительного *житие*. Если привлечь для иллюстрации синонимических отношений несколько разных существительных (например, *кѣкз, данѣ, недѣла*), внутри синонимичных форм можно было бы обнаружить варьирование, обусловленное, в известных границах, различиями лексико-грамматических разрядов. Если же при этом еще иметь в виду, что каждое существительное может быть употреблено в ед., мн. и дв. числе, то мы встретимся с вариантами, обусловленными оппозицией грамматического числа.

²⁶ Свободное использование нескольких форм — это лишь один из четырех установленных А. Мартине способов реализации «архимонем» (см.: А. Мартине, Нейтрализация и синкретизм, ВЯ, 1969, 2).

²⁷ Более подробно о противопоставлениях в сфере темпоральных отношений см.: К. И. Ходова, Надежды с предлогами в старославянском языке, стр. 124 и сл.

*

В настоящей статье были показаны особенности материальной репрезентации грамматических единиц старославянского существительного. Связь означаемого и означающего осложнена в сфере этих единиц наличием множества форм, объединенных общим содержанием. У грамматических единиц числа план выражения представлен вариантами, образующими несколько связанных друг с другом уровней. Варианты создаются, во-первых, различиями лексико-грамматических разрядов существительных (это значит, что такие традиционные грамматические понятия, как тип окончания существительного, его грамматический род, неличность-личность, непосредственно причастны к выражению системных отношений и в системных описаниях могут выступать как уровни варьирования существительного), а во-вторых — различающимися формами соседних противопоставлений в сфере существительного. На всех уровнях варианты бывают либо связанными, либо свободными («частично свободными»); наблюдается комбинирование связанного и свободного типов варьирования. Каждый ряд или уровень вариантов одной и той же единицы может нести собственные различия в содержании, соответствующие, полностью или же частично, формальным различиям данного ряда (ср., например, различия по неличности-личности).

Репрезентация единиц существительного осуществляется, кроме того, посредством синонимов (ср. единицы темпорального содержания). В пределах синонимических рядов формальные различия не подкрепляются семантическими.